

УДК 82-312.1

Светлана Коршунова

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В РОМАНЕ Л. УЛИЦКОЙ „МЕДЕЯ И ЕЁ ДЕТИ”

Досліджується інтертекстуальний діалог між відомим античним міфом і авторською його інтерпретацією в умовах нової парадигми мислення та цінностей, породжених, зокрема, і тою мультикультурною ситуацією, в якій створювався роман Людмили Улицкої „Медея та її діти”.

Ключові слова: *інтертекст, інтертекстуальність, дискурс, Медея, семантичний, код, мультикультуралізм, текст, діалог.*

Большинство учёных гуманистического направления сегодня считают наиболее плодотворным путь исследования текстов в контексте, т.е. с учётом такого всепроникающего явления, как интертекстуальность [1, 2, 4,]. Современный уровень полноценного прочтения текстов предполагает, что реципиент готов к дешифровке присутствующих в них интертекстуальных кодов, которые могут быть в разной степени интегрированы в ткань художественного полотна. По определению Ю. Лотмана, текст может выполнять, по крайней мере, две функции: адекватную передачу значений и порождение новых смыслов [3, с. 425]. Текст, где господствует вторая функция, представляет собой более сложно закодированное устройство, в континууме которого могут существовать несколько непересекающихся кодов. Интертекстуальность в таких условиях становится мощным фактором генерации смыслов, включения механизма игры.

На наш взгляд, интертекстуальность особенно актуализуется в контексте проблем мультикультурализма, поскольку сама природа последнего предполагает наличие разных „текстов”, вступающих в диалог друг с другом. Этот диалог может осуществляться на разных условиях: договорённости и, следовательно, цитации, тиражирования смысла, или внутренней конфликтности, а значит, разрушения, изменения смысловой амбивалентности. В любом случае включение читателя в такой текст ставит своей задачей реализовать собственный культурный потенциал и привести в движение, заставить „заговорить” те коды, которые составляют архитектуру данного текста.

Объектом нашего исследования является роман современной русской писательницы Людмилы Улицкой, творчество которой вызывает неподдельный интерес читателя и уже было отмечено несколькими профессиональными наградами. Этот успех, на наш взгляд, заслуженный. Его мотивировки заключены в самих текстах Л. Улицкой, отличающихся многоуровневой структурой, сложностью смысловой игры, выразительностью языка. Следует отметить, что писательница

выявляет плюрализм взглядов на многие вопросы современности: национальности, гендера, этнолитератур, религиозных конфликтов. Это вызывает дополнительный интерес к ней как автору и свидетельствует о важном значении диалога в её творчестве.

Роман Л. Улицкой „Медея и её дети”, как всякий имманентно организованный и замкнутый текст, будет провоцировать читателя на выявление (реконструкцию) заключённых в нём кодов. Первый, подсказанный автором уровень дешифровки, касается темы произведения. Гениально просто обозначена тема романа (действительно, роман повествует о жизни Медеи Синопли-Мендес и тех, кого она сама считает своими детьми – многочисленных братьев, сестры и их потомков). Она заявлена в названии и, так как обозначено не просто имя, а имя, являющееся иконическим знаком, читатель предполагает включение романа в известную мифологическую парадигму и настраивается на внутритекстовый дискурс, к которому будет причастна трагедия Еврипида. Правда, несколько непривычно стоят рядом с именем Медеи „и её дети”, поскольку в названии греческого трагика их нет. Но уже с первых глав романа мы понимаем, что обманулись в ожиданиях: автор не счёл нужным тиражировать известный архетип и создал историю почти диаметрально противоположную истории мифологической героини. Автор прибегнул к приёму неожиданности: задав тексту меру условности, начал борьбу с ней, применив „минус-приём”. Если воспользоваться классификацией Ж. Жанетта, данному тексту свойственна паратекстуальность, то есть причастность к инвариантному тексту только на уровне названия.

Однако на этом диалог романа „Медея и её дети” и трагедии Еврипида не обрывается. Обратимся к следующему уровню дешифровки – семантики образов. Обманутый в своих ожиданиях, читатель всё же будет продолжать чтение романа и, прочитав до конца, опять вернётся к вопросу, почему же автор воспользовался именно этим символическим именем, семантика которого настолько упрочилась, что не допускает многозначности? А ответ может быть приблизительно такой: игра, милый читатель, игра, и живём мы в такую эпоху. Автор невзначай дал эту подсказку читателю сразу, на второй странице печатного текста, назвав место обитания своей героини „скромной сценической площадкой всемирной истории” [6, с. 4].

Образ мифологической Медеи, продемонстрированный в заглавии романа, выполнит в тексте Улицкой функцию порождения новых смыслов. Если определить инвариантную черту характера героини Еврипида, то ею будет скорее не мстительность, а беспредельная преданность этой женщины своей семье и, прежде всего, – мужу. Улицкая именно это качество своей героини делает основным. Иными словами, создаётся образ идеальной Медеи, реализующей своё основное качество – преданность в совершенно иной, смоделированной специально для неё, темпоральной оси и

другом тексте. Чтобы выполнить эту функцию, Медея Улицкой не совершит первую ошибку своего архетипа: она никогда не будет отлучаться от родных корней (как пишет автор, она не променяла бы „этой приходящей в упадок земли” ни на какие другие края, и выезжала из Крыма за всю жизнь дважды, в общей сложности на шесть недель [6, с. 5]). Следует отметить, что аллюзия на мифологическую Медею заложена в героине Улицкой. Первая стала известна благодаря греческому мифу, хотя корнями из Кавказа. Вторая – гречанка по крови, а родилась в Крыму, который ближе к Кавказу, чем к Греции. К тому же мать её была привезена отцом в родной дом из Батума.

Медея Еврипида, вырванная из родной земли, теряет чувство рода. Она совершает ряд непоправимых злодеяний: разрывает связь со своей семьёй, убив брата, и уничтожает своих детей, чтобы прервать род Ясона, а тем самым и свой. Романная же Медея, не произведя сама потомства, но сохранив после внезапной смерти родителей связь с большинством братьев и сестёр, выполнила важную генетическую задачу: не дала семье Синопли раствориться в мире, или, говоря библейскими слова, рассеянных собрала. Как сказано в эпилоге, написанном одной из представительниц семьи Синопли по двоюродному родству, „до сих пор в Посёлок приезжают Медеины потомки – русские, литовские, грузинские, корейские. Мой муж мечтает, что... мы привезём сюда нашу маленькую внучку, родившуюся от...чёрной американки родом с Гаити” [6, с. 287]. Такая география распространения рода и его полиглоссия только подчёркивают отрыв Медеи XX века от её знаменитого архетипа. Еврипид, создавая свою Медею, предвидел недалёкое будущее эллинской культуры, над которой уже нависла угроза поглощения окружающим её варварством. Ведь Медея так и не стала элинкой по духу, и сама подчёркивала наличие в себе варварской крови, которая берёт верх. Она не доверяла богам и не ждала от них справедливого решения в её конфликте с Ясоном. Поэтому сама и вершила суд, и исполняла приговор. Медея Синопли позволяет своему роду расти и разветвляться так, как это получается в процессе самой жизни. Она не проявляет стремления к монизму рода, сохранения „чистоты крови” и только с интересом наблюдает, как множатся Синопли и как проявляют себя родовые наследственные признаки, типа рыжеволосости матери и укороченного мизинца деда Харлампия. В конце романа создается впечатление, что, благодаря стараниям Медеи, род Синопли является неким универсумом, готовым принять всех, не ставящим для этого никаких условий, а наоборот, учитывающим особенности и потребности тех, кто в него включается. В подтверждение этого тезиса в эпилоге романа звучит голос некоей невестки младшей сестры деда Медеи Харлампия, жены четвероюродного брата племянника Медеи (!), которая тоже считает себя и своих детей потомками Медеи и от имени которой написан эпилог. Думается, что этим Улицкая только подчёркивает разрыв

глубинной связи своей героини с её архетипом, фактически помещая её как представительницу и хранительницу греческих корней в условия мультикультурного сосуществования со всеми, кто её окружает. Медея Улицкой обладает удивительным талантом коммуникации, которого лишена мифологическая Медея, испортившая отношения со всеми, с кем вступала в контакт на эллинском пространстве. Романная Медея совершает ошеломляющий поступок, трудно объяснимый с обывательской точки зрения: имея огромную армию наследников, она завещает свой дом под Феодосией, который был сердцем рода, татарину Равилю, предки которого тоже, как и Медеины, жили на этой земле. Этот поступок продиктован тем, что Равиль не сможет вернуться на родную землю и купить дом, поскольку при советской власти это было невозможно. А без татар, считает Медея, Крым потерял своё лицо и надо его восстановить. Пообщавшись с Равилем одну ночь, увидев у него желание вернуться на землю предков, поняв его сердцем, Медея решает отдать дом ему. И надо сказать, что „дети” не оспаривают такое решение и уже после смерти Медеи прилагают усилия, чтобы воля её была исполнена.

Следующий мотив-событие, включающий мифологическую Медею и Медею Улицкой в одну смысловую парадигму, – это мотив предательства. Однако реакция героинь на это событие разная. Медея Еврипида, принимая решение наказать изменника, опускает себя на уровень злодейства, и от неё отворачиваются все эллины, включая хор коринфских женщин, ранее ей сочувствовавших. Романная Медея узнаёт о предательстве мужа, когда его уже нет в живых. Но оказалось, что это двойное „родственное и тайное преступление”, ибо любимый муж Самуил изменил Медее с её младшей сестрой, которой Медея заменила умерших родителей. Предательство подано в романе через приём градации, и даже трудно представить, какие были бы последствия, если бы это произошло с мифологической Медеей. Медея Синопли, пережив шок оскорбления, смогла не только сохранить эту скверную семейную тайну (дочь Самуила Ника – всегда желанная племянница в доме тетки), но подняться на уровень всепрощения и понимания. Это личное оскорбление Медеи не затмило её любовь к умершему мужу, и она любит его с каждым годом всё сильнее. Медея простила сестру, которая упокоила её старость.

Таким образом, вычленив в романе Л.Улицкой „Медея и её дети” интертекстуальный дискурс известного литературного архетипа, каким является Медея, можно утверждать, что в романе конца XX века мы встречаем дериват этого мифа. Эпоха постмодернизма, освободившая писателей от любых форм монизма и давшая им свободу плюрализма и амбивалентности на всех уровнях, позволяет творчески использовать любые накопления, не придерживаясь верности традициям, оправдываясь усилением роли игры в творчестве. Такая игра с литературными архетипами

открывает новые смысловые возможности текстов, ибо традиционная тема, воплощенная в условиях другого исторического контекста, вступает в диалогические отношения со своим архетипом и обретает новое семантическое наполнение.

1. *Барт Р.* От произведения к тексту // Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост. Г. Косиков. – М.: Прогресс, 1989.
2. *Барт Р.* Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По // Избранные работы: Семиотика: Поэтика: пер. с фр. / Сост. Г. Косиков. – М.: Прогресс, 1989.
3. *Лотман Ю.* Об искусстве. – СПб.: Искусство, 2005.
4. *Рихло П.* Поетика діалогу. Творчість Пауля Целана як інтертекст // Монографія. – Чернівці: Рута, 2005.
5. *Саїд Е.В.* Орієнталізм. – К.: Основи, 2001.
6. *Улицкая Л.* Медея и её дети. – М.: Эксмо, 2002.

Summary

The article deals with the intertextual dialogue between the famous ancient myth and its author's interpretation under the circumstances of the changed paradigm of thinking and values which was caused, in particular, by that multicultural situation in which the novel 'Medea and Her Children' by L.Ulitskaya was being created.

Key words: intertextuality, discourse, Medea, semantic, code multiculturalism, text, dialogue.

Стаття надійшла до редколегії 13.11.2008